

Д.А. Миягашев

Роль миграций в древней истории Хакасии (эпоха энеолита – средней бронзы)*

Ключевые слова: миграции, древняя история Хакасии, Евразия, Южная Сибирь, Хакасско-Минусинская котловина, Монголия, Алтай, Синьцзян, Тува, Китай, Шан-Инь, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, карасукская культура, ямная культура, катакомбная культура, тохары, туры, энеолит, бронзовый век.

Key words: migrations, ancient history of Khakasia, Eurasia, Southern Siberia, Khakassko-Minusinskaya hollow, Mongolia, Altay, Singzyan, Tuva, China, Shan-In, Afanasjevo culture, Okunevo culture, Andronovo culture, Karasuksk culture, Yamnaya culture, Katakombnaya culture, Tohars, turs, paleometall, bronze age.

Территория Хакасии входит в Саяно-Алтайскую горную систему и характеризуется сочетанием высоких хребтов с межгорными впадинами. Сюга она ограничивается Западным Саяном, за которым находится Тыва, с запада подступает восточная часть Кузнецкого нагорья (Абаканский хребет и Кузнецкий Алатау). В широтном направлении, от Енисея до Кузнецкого Алатау, Хакасию пересекает Батеневский кряж, левобережный отрог Беллыкского нагорья, относящегося к горной системе Восточного Саяна. С севера степи Хакасии переходят в тайгу Красноярского края. В этом узком пространстве среди гор и тайги расположена Минусинская котловина, разделенная второстепенными хребтами на три самостоятельные впадины: северная – Чулымо-Енисейская котловина; между отрогами Восточного Саяна и Батеневского кряжа – Сыдо-Ербинская котловина и южнее, до северного склона Западного Саяна – Южно-Минусинская. В состав территории Хакасии все эти котловины входят частично, продолжаясь к востоку за долину Енисея и к северу. Горная система Саяна на много месяцев в году осложняла проход во внутренние районы Южной Сибири от Алтая и Тывы, но открытым оставался проход из Западной Сибири через Ачинско-Мариинскую лесостепь – основной путь для торговли и миграций [1, с. 20].

Несмотря на изолированное географическое положение Хакасии, исторические процессы, имевшие место здесь, неразрывно связаны с ритмами истории степной части Евразии. С.А. Теплоухов отмечал: «В Минусинский край проникали культурные влияния южных цивилизаций, в нем нашли свое отражение восточные и западные культуры Сибири. Хорошие для жизни условия дали возможность прочно зафиксироваться многим культурным влияниям, проследить

которые мы можем благодаря громадному обилию отдельных находок в виде каменных, бронзовых и железных изделий и монументальных сооружений» [2, с. 42].

Природная экологическая специфика определила доминантную роль скотоводства в хозяйстве народов зоны степей от Молдавии до Монголии. Степной образ жизни и отгонное скотоводство благоприятствовали развитию пассионарности в менталитете степных народов. На бронзовый век (IV–II тысячелетие до н.э.) в истории степной зоны Евразии приходится сложение так называемых ранних комплексных обществ [3, с. 173; с. 176]. В то же время на территориях первичного освоения производящего хозяйства происходит бурный рост населения в результате увеличения прибавочного продукта за счет производящего хозяйства. Это вызвало необходимость оттока населения в поисках лучших условий [4, с. 76]. Все эти процессы не могли не отразиться на истории Хакасско-Минусинской котловины.

Итогом этих событий стало появление на территории Саяно-Алтая племен – носителей афанасьевской культуры. В то время как население соседних областей имело монголоидный или смешанный антропологический тип, афанасьевцы были европеоидами. Впервые тезис о том, что их культура чужда сибирскому неолиту, выдвинул А.П. Окладников [5, с. 13]. На сегодняшний день этот тезис полностью подтвердился.

Самые близкие аналогии культуре афанасьевцев обнаруживаются в степях по Волге и Дону – ямная культура Причерноморья. М.П. Грязнов подчеркивал: «Сходства афанасьевской и ямной культуры не доходят до тождества, но они имеют друг с другом так много общего, что их родство не вызывает сомнений. При этом общими являются не те элементы культуры, сходство которых можно было объяснить лишь принадлежностью обеих культур к одной стадии общественного развития, а те, которые указывают на единство этнического происхождения» [6, с. 52]. Эти сходства проявляются при сопоставлении погребального обряда – одинаковая конструкция могил и поза погребенных, в том числе положение рук и ног, размещение покойника посередине ямы, общий обычай класть в могилы мало изделий производственного назначения и, видимо, много бытовых вещей, а около ям или на их покрытии – разводить погребальный костер.

Сходства обнаруживаются в формах керамики – сосуды с яйцевидным и сферическим туловом, а также с

* Работа выполнена при поддержке гранта Благотворительного фонда культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова). №АМ-2-13/09

уплощенным дном и горшковидные, в элементах орнамента – оттиски мелкозубчатого штампа, вдавления палочки, резные линии, иногда образующие «елочку» [7, с. 22]. Антропологи подчеркивают, что сходство краниологических серий афанасьевцев и ямников доходит до идентичности [8, с. 67].

Причины миграций и этнокультурной атрибуции носителей ямно-афанасьевской культуры в литературе занимают особое место. Вл.А. Семенов связывает миграции афанасьевцев с продвижением индоевропейцев-тохаров к Тариму, увязывая эту миграцию с западным происхождением афанасьевской культуры из ямной [9, с. 19]. И.Н. Хлопин соотносит миграции ямников-афанасьевцев с движением иранского племени туров с территории Юго-Восточного Прикаспия [4, с. 78].

Сегодня появилась новая версия относительно места сложения афанасьевской культуры. Ее автор В.И. Молодин считает, что местом формирования культуры афанасьевцев была территория западной части Центральной Азии и прилегающими к ней районами Тувы – в пределах северной Монголии, Тувы и прилегающих районов Китая. Отсюда афанасьевское население мигрировало в Горный Алтай и Минусинскую котловину. Об этом свидетельствуют материалы многослойной стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне [10, с. 27; 11, с. 118–124].

Сейчас памятники афанасьевского типа известны далеко за пределами Саяно-Алтая – в центральных районах Монголии до озера Лобнор на юг (Синьцзян) [12, с. 81–84]. В истории Саяно-Алтая движение, начавшееся на западе, способствовало двум революционным процессам: в технике – переход от камня к металлу, в экономике – переход к производящему хозяйству.

В начале II тысячелетия культурный облик Хакасско-Минусинской котловины резко изменился, на Енисее появляется европеоидное население с монголоидными чертами – окуневцы. А дальнейшая история мигрантов-афанасьевцев вызвала горячие споры среди исследователей. В первую очередь это было связано с разными взглядами на исторический процесс в Хакасии. В 60-х гг. труды Г.А. Максименкова позволили выделить окуневский этап афанасьевской эпохи в самостоятельную археологическую культуру. Будучи сторонником концепции последовательной смены культур, разработанной С.А. Теплоуховым и М.П. Грязновым, Г.А. Максименков считал, что между культурами афанасьевцев и окуневцев нет преемственности, а смена населения произошла вытеснением афанасьевцев окуневцами [13, с. 49].

Выделению окуневской культуры в самостоятельную археологическую культуру предшествовал длительный период, когда она считалась лишь этапом афанасьевской культуры. Однако накопленный материал говорил сам за себя, и в научный оборот окуневская

культура вошла как единая культура сибирских таежных охотников. Г.А. Максименков считал, что формирование культуры окуневцев происходило в районах, расположенных севернее Хакасско-Минусинской котловины, в районе лесостепи Приенисейской и Приобской Сибири, где имеются аналогии керамике и изобразительному искусству (Базаиха, Афонтова гора, Самусь IV) [14, с. 36–37]. Миграции на юг были вызваны развитием у окуневцев скотоводства и металлургии, которые они, возможно, заимствовали у афанасьевцев. При этом Г.А. Максименков отрицал какие-либо южные или западные истоки окуневской культуры [15, с. 26].

Но в историю окуневцы все же больше вписались своим изобразительным искусством, известным с каменных плит. Именно этот факт позволил исследователям усомниться в монолитности и исконно сибирском происхождении окуневцев. Многие сюжеты окуневского искусства не соответствовали предполагаемым корням окуневцев в среде охотничьих племен (изображения быков, повозок с упряженными быками, соляные знаки и т.д.). Первым на это обратил внимание А.А. Формозов, сопоставив иконографию окуневских изваяний с изображениями из Мохенджодаро (божество с бычьими рогами и «третьим глазом» – лобным значком древних индусов) и отметив, что «фаспрофильное» построение фигуры (Тас-Хаза) вообще было характерно для искусства Древнего Востока [16, с. 203–208]. Стоит отметить, что с этого момента мнение А.А. Формозова о возможных истоках окуневского искусства в круге высоких культур Древнего Востока поддержали и другие исследователи [17, с. 12].

Л.Р. Кызласов выделил отдельную тазминскую культуру периода позднего неолита – переходу к энеолиту, к которой отнес большинство минусинских каменных изваяний. Мировоззрение тазминцев синкретично – в основе охотничье мировосприятие, которое было усложнено идеологией пришлых скотоводов (культ коровы-матери, изображения быков и т.д.). Параллели тазминцам Л.Р. Кызласов приводил в культурах высоких цивилизаций, главным образом Передней и Южной Азии [18, с. 87–135].

Еще одним немаловажным аспектом в этой связи являются вопросы, связанные с «окружением» окуневской культуры – каракольская культура Алтая, самуськая Приобья, кротовская лесостепей Барабы. Несмотря на то, что их сходство в основном определялось стадильностью и близостью хозяйственных типов, В.В. Бобров считает их родственными с ярко выраженным южным компонентом, главным образом в декоративном и изобразительном творчестве. Южный компонент связан с масштабной миграцией европеоидного населения из районов Передней Азии на территорию Южной Сибири во второй половине II тысячелетия до н.э., последствием которой и явилось формирование круга культур [19, с. 55–56].

Миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири с запада через Алтай и Юго-Восточный Казахстан выдвинул и обосновал И.П. Лазаретов с новыми находками в могильниках Уйбат III и V. По костным остаткам из этого могильника было определено, что женские черепа принадлежали монголоидным группам, а мужские – мезокранным европеоидам [20, с. 344]. Конструктивные особенности могил Уйбатского могильника (погребения в катакомбах и ямах с заплечиками), европеоидность мужских антропологических серий позволяют говорить, что на Уйбатском могильнике фиксируется начальная стадия смешения европеоидных и монголоидных черт, характерных для окуневцев. Аналогии же уводят на территории Южного Приуралья, где в это время расселялись племена катакомбной культуры. В ходе миграции протоокуневцы вступали в культурные и брачные связи с монголоидными группами. Оказавшись на Енисее, окуневцы частично утратили черты, сближавшие их ямно-катакомбным кругом [21, с. 40].

Итак, многокомпонентность окуневской культуры, выраженная в сочетании проявления охотничье-рыболовного хозяйства, интенсивного скотоводства, неолитическая каменная индустрия и сложное бронзолитейное производство, богатая космология и космогония, свойственная высоким цивилизациям, позволяет говорить о ее синкретичности. Появление этого феномена на Енисее, вероятнее всего, связано с миграциями иранских племен. Они повторили путь афанасьевцев с запада на восток, сменив первых во временном отношении.

Во второй четверти II тысячелетия до н.э. на широкой территории евразийской степи происходили сложные этнические передвижения, связанные с широким внедрением пастушеского скотоводства, металлургии бронзы и конных колесниц. В результате этих перемещений происходят ассимиляционные процессы и формируются новые культурные образования. На историческую арену выходят срубная культурная общность в европейской степи и андроновская – в азиатской, и начинается экстенсивное расширение их территории путем освоения новых земель [22, с. 227].

Столь сложные процессы отразились в истории всех племен Сибири того времени. На Енисее приход андроновцев ознаменовал новый период в истории Хакасии. Сюда они пришли в сложившемся виде с территорий Восточного Казахстана, через Приобье

и Канско-Ачинские степи, минуя Кузнецкий Алатау, заняв северные районы Хакасии. На юг андроновцы не продвинулись дальше места, где сейчас располагается Абакан [7, с. 46]. Окуневские племена были вытеснены в южные районы Хакасии и в Туву и сосуществовали с андроновцами, и затем, возможно, приняли активное участие в сложении карасукской культуры [23, с. 174; 24, с. 20]. О совместном сосуществовании андроновцев и окуневцев свидетельствует присутствие окуневских элементов в андроновской керамике – сосуды с орнаментированным налепным валиком, с четырехугольным устьем, баночные сосуды [7, с. 46].

Расселение андроновцев имело континентальный характер. Е.Е. Кузьмина выделила три направления культурных связей андроновских племен – западное Поволжье и Подонье; южное направление – Средняя Азия и восточное – Китай [22, с. 228]. Движение андроновцев на восток можно разделить на северное и южное направления. Северное направление – юг Западной Сибири, северный Алтай, юг Красноярского края и Хакасско-Минусинская котловина. Южное направление – Восточный Туркестан (Синьцзян) и далее Шан-Иньский Китай [25, с. 24]. На Енисее андроновская культура представлена только поздними памятниками, так называемого федоровского этапа культуры.

С андроновскими племенами в азиатской части степей Евразии связано утверждение форм производящего хозяйства, освоение металлургии бронзы, распространение конных колесниц, расцвет геометрического стиля в изобразительном искусстве. Достижения андроновской эпохи во многом определили развитие культуры раннего железного века в азиатских степях [26, с. 5].

Таким образом, даже краткий анализ литературы по афанасьевской, окуневской и андроновской культурам показывает, что особенности вышеназванных культур не позволяют говорить о генетическом родстве между ними. Решающим фактором культурогенеза на территории Хакасии в период энеолита-средней бронзы были миграции, связанные со сложными этногенетическими процессами степной зоны Евразии. Немаловажную роль в этих процессах сыграли миграции индоевропейцев, вызванные бурным демографическим ростом. Миграции носили массовый характер по всей степной зоне Евразии.

Библиографический список

1. Вадецкая, Э.Б. Миграции в Западном Присяянье / Э.Б. Вадецкая // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1994.
2. Теплоухов, С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края / С.А. Теплоухов // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2.

3. Масон, В.М. Древние общества степей Евразии и структура мировой истории / В.М. Масон // Археологические вести. – 2005. – №12.
4. Хлопин, И.Н. Афанасьевская культура (историческое содержание) / И.Н. Хлопин // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб., 1999.

5. Окладников, А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока / А.П. Окладников // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1941. – Вып. 9.
6. Грязнов, М.П. Афанасьевская культура на Енисее / М.П. Грязнов. – СПб., 1999.
7. Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э.Б. Вадецкая. – Л., 1986.
8. Дебец, Г.Ф. Палеоантропология СССР / Г.Ф. Дебец // Труды института этнографии АН СССР. – М., 1948. – Т. 4.
9. Семенов, Вл.А. Древняя культура – афанасьевская культура и проблема прототахарской миграции на Восток / Вл.А. Семенов // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1987.
10. Молодин, В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы / В.И. Молодин // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992.
11. Молодин, В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы / В.И. Молодин // История Республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. – Горно-Алтайск, 2002.
12. Новгородова, Э.А. Древняя Монголия / Э.А. Новгородова. – М., 1989.
13. Максименков, Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины / Г.А. Максименков // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
14. Максименков, Г.А. Окуневская культура / Г.А. Максименков. – Новосибирск, 1975.
15. Максименков, Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры / Г.А. Максименков // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980.
16. Формозов, А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР / А.А. Формозов. – М., 1969.
17. Савинов, Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) / Д.Г. Савинов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997.
18. Кызласов, Л.Р. Древнейшая Хакасия / Л.Р. Кызласов. – М., 1986.
19. Бобров, В.В. К проблеме миграции европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху / В.В. Бобров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье : тез. докл. к Всесоюзной научной конф. – Барнаул, 1994.
20. Громов, В.А. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины / В.А. Громов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997.
21. Лазаретов, И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат / И.П. Лазаретов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997.
22. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев) / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994.
23. Новгородова, Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема / Э.А. Новгородова. – М., 1970.
24. Рыкушина, Г.Б. Палеоантропология карасукской культуры / Г.Б. Рыкушина. – М., 2007.
25. Савинов, Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культуругенез / Д.Г. Савинов. – СПб., 2002.
26. Смирнов, К.Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина. – М., 1977.